

ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет»

Центр кризисологических исследований

Федеральная целевая программа
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России
(2009–2013 годы)»

Научно-исследовательский проект
«Герменевтические исследования макрокультурного кризиса
и антикризисного потенциала русской словесной культуры»

при участии Академии философии хозяйства
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
и Центра социальных исследований и просвещения имени С. Н. Булгакова

РОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ В РОССИИ

(сборник научных трудов)

ББК 71.00
О-50

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета ГОУ ВПО
«Шуйский государственный педагогический университет»*

Научный редактор —
доктор филологических наук, профессор **В. П. Океанский**

О-50

Рождение культурологии в России (сборник научных трудов). Научный редактор — проф. В. П. Океанский. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011 — 592 с.

В сборник вошли материалы одноимённой конференции, проведённой при участии Академии философии хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Центра социальных исследований и просвещения имени С. Н. Булгакова. Означенные здесь проблемы многократно обсуждались и отражают реальное состояние дел на путях формирования культурологии как интегративной сферы знания. Заключительный раздел сборника включает материалы Международного научного форума «Смыслы начала третьего тысячелетия. Исправление имен», проводимого нами совместно с вышеозначенными Академией и Центром в рамках продолжения настоящей конференции. В общей сложности в издании приняли участие пятьдесят девять авторов. Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-86229-227-5

© В. П. Океанский, руководитель проекта, 2011
© ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011
© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ОСНОВАНИЯ НОВОЙ НАУКИ

<i>Океанский В. П., Океанская Ж. Л.</i> Герменевтика новой науки (к наброску культурно-исторического переоткрытия реальности в проективной возможности Кирилло-Мефодиевской цивилизации)	11
<i>Едошина И. А.</i> Культурология как специфическая область гуманитарного знания (к проблеме категориального аппарата)	29
<i>Осипов Ю. М.</i> Смысл и имена	39
<i>Раков В. П.</i> Поэтика неразрешимостей (подступы к теме)	47
<i>Маслов В. Г.</i> Слово и его деяние	59
<i>Закурченко А. Ю.</i> Язык как самоосуществление смысла	65

Раздел II. ЗОЛОТОЙ ФОНД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Пахров А. А.</i> Н. М. Карамзин как первый русский культуролог	77
<i>Океанский В. П.</i> Пушкин как культуролог (герменевтика гл. 7, ст. XXXIII–XXXIV романа «Евгений Онегин»)	84
<i>Смирнов В. А.</i> Мотивы «небесного ограждения» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	87
<i>Артамонова Л. А.</i> Кризис идей и кризисологический потенциал идей: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского и «Психология национальности» Д. Н. Овсянко-Куликовского	96

<i>Наумов Ю. В.</i> Соотношение нравственности и права в философии В. С. Соловьёва	102
<i>Репников А. В.</i> Лев Тихомиров: экстремист, ренегат, монархист	110

Раздел III. СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Дзуцева Н. В., Кулыгина В. В.</i> Память как преемственность культурной традиции в поэтическом мире Вяч. Иванова («Римский дневник 1944 года»)	129
<i>Устюжин И. Б.</i> Между символизмом и эзотерикой: пророчества М. Волошина о революции в стихотворениях «Голова принцессы Ламбаль» и «Ангел мщения»	144
<i>Красильникова М. Ю.</i> Ренессансные концепции личности в культуре Серебряного века	169
<i>Крохина Н. П.</i> Тема Нового Средневековья в русской мысли Серебряного века	178
<i>Широкова Н. О.</i> Античная тема в культуре Серебряного века (на примере живописи В. Серова)	190
<i>Задоров И. А.</i> Понятие «Кукла-актёр» в трудах отечественных исследователей	196
<i>Бандурина Н. С.</i> Имажинизм как магистральное направление русского авангарда начала XX века	202
<i>Губанов С. А.</i> Антиномическая рецепция диалога в философском гнозисе Бытия: отец Павел Флоренский и Б. Л. Пастернак	214

Раздел IV. СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

<i>Нагорнов Е. А.</i> Сакральный характер техники в наследии О. Шпенглера резонанс этой темы в современной отечественной культурологии М. Эпштейна	225
<i>Ермилов Ю. И.</i> Терминологическая контрреволюция. Современный русский сленг: от речи — к мышлению и религизации	230
<i>Янковская О. В.</i> Новый взгляд на феномен российской авторской песни 50–70-х годов XX века: культурологический аспект	237
<i>Стогниенко А. Ю.</i> Кинохроника как отражение личного опыта главного героя фильма А. А. Тарковского «Зеркало»	244
<i>Шилов Ю. М.</i> Культура сада и формирование ноосферного человека ...	247
<i>Кубанёв Н. А., Набилкина Л. Н.</i> Имагология и межкультурная коммуникация	265

Раздел V. КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Коваленко С. В.</i> Мифический образ медведя — естественноисторическая основа русской культуры	271
<i>Ермолаева Л. К.</i> Архетип кузнеца как сущность ментальности русского этноса	280
<i>Даренский В. Ю.</i> Русский «образ культуры»: культура как преобразование человека	289
<i>Уткин И. В.</i> Россия между Востоком и Западом: модусы человеческого бытия	302
<i>Борзых Б. А., Сербул М. Н.</i> О назначении культурологии	309

<i>Прохоров М. М.</i> Культурология и истина	319
<i>Фатенков А. Н.</i> Концептуальные границы реализма	332
<i>Брагина Н. Н.</i> Культурология как «игра в бисер»	341
<i>Редков С. К.</i> Правовая культура как объект изучения культурологии	349

Раздел VI. СМЫСЛЫ НАЧАЛА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЁН

<i>Океанский В. П.</i> Символическая метафизика Рене Генона и русский мир начала третьего тысячелетия (к постановке вопроса и наброску ответа)	367
<i>Алиев У. Ж.</i> Третье тысячелетие — тысячелетие метазнания (тематический анализ «круглого стола»)	381
<i>Гиренок Ф. И.</i> Что такое философия?	385
<i>Нилогов А. С.</i> Как назвать вещи их собственными именами?..	395
<i>Сизов В. С.</i> «Время исправлять имена» (приемлемость конфуцианской концепции «исправления имён» для России)	399
<i>Аргунова В. Н.</i> Социальное настроение в российском обществе	407
<i>Войнова Е. А.</i> Кризис ценностных ориентаций «трудных» подростков как следствие распространения массовой культуры	412
<i>Камишилина О. С.</i> Творческая одарённость (креативность) как потенциал к самоактуализации молодого поколения	419
<i>Куликовская И. Э.</i> Становление ценностно-смысловой картины мира личности	425

<i>Клюяшкина И. Н.</i> Роль библиотек в формировании гармоничного общества	436
<i>Курицын В. М.</i> О некоторых аспектах межкультурного взаимодействия на современном этапе развития общества	442
<i>Олейников А. А.</i> Проблема подрыва культурных смыслов: рекультивация как форма информационной войны	448
<i>Берендеева А. Б.</i> Социальная экономика: фантом или реальность?	467
<i>Гордеев В. А.</i> Теоретическая экономика как составная часть философии хозяйства	477
<i>Пациарковский В. В.</i> Моральная экономика: домохозяйства и модернизация ..	486
<i>Новиков А. И.</i> Не опоздает ли Россия на битву за еду?	495
<i>Разумов Д. С.</i> Христианские основы предпринимательской этики: русская версия	503
<i>Сухинин И. В.</i> Методологические подходы к пониманию справедливости в социально-экономических исследованиях	513
<i>Фадейчева Г. В.</i> Общественная потребность развития как социо-хозяйственный феномен	520
<i>Родина Г. А.</i> Третье тысячелетие: новые смыслы социального развития или повторение пройденного?	527
<i>Тихонов А. И.</i> Естественнонаучный анализ перспектив развития цивилизации	535
<i>Шелкопляс Е. В.</i> Индуктивные возможности теории оптимума развития в познании индивидуальных и коллективных смыслов развития бытия начала третьего тысячелетия	545
<i>Краткие сведения об авторах</i>	583

А. В. Репников

ЛЕВ ТИХОМИРОВ: ЭКСТРЕМИСТ, РЕНЕГАТ, МОНАРХИСТ

Ренегатов никто не любит, даже, те, кто пользуется их услугами. При этом мало кто пытается всерьез разобраться в том, что именно толкнуло человека на радикальную смену взглядов и переход из одного лагеря в другой. Проще заподозрить его в корысти, или же, как это сделала в отношении героя моей статьи Вера Фигнер, в «психической болезни»¹. Действительно, было от чего прийти в недоумение. Л.А. Тихомиров принадлежал к людям, которые имели колоссальный авторитет в «Народной Воле» и являлся не только свидетелем, но и участником многих исторических событий (самое яркое и трагическое — «террористическая охота» за Александром II, завершившаяся убийством императора). И вот — разрыв с прошлым, покаяние и... весьма неплохая карьера уже в роли идеолога «монархической государственности». Историк С.М. Сергеев пишет по этому поводу: «Это все равно, как если бы под псевдонимом Жозеф де Местр скрывался Робеспьер или В.И. Ульянов-Ленин в 1905 г. вместе с Доктором Дубровиным сделался автором программы Союза русского народа»². Не без доли сарказма бывшая соратница Тихомирова А.П. Прибылева-Корба обратившись к его судьбе после перехода в монархический лагерь замечала: «Разумеется, ему разрешили вернуться в Россию, но держали его в черном теле. Мечта Тихомирова о том, что ему предстоит большая роль в исторической судьбе России была плодом его большого ума. Далее сотрудничества, а позднее редактора бессмысленных «Московских Ведомостей» ему не было хода. Он писал бездарнейшие статьи, их печатали, и этот полнейший упадок литературного таланта Тихомирова является верным доказательством его психического недуга»³. Тихомиров вызывал бурную полемику еще при жизни. Бывшие соратники-революционеры заклеили его как «ренегата», но и среди черносотенцев ему не доверяли, считая хитро замаскированным «опаснейшим тайным врагом самодержавия». В публикации от 23 октября 1911 года в «Голосе Москвы» намекали на закулисные связи Тихомирова с революционерами:

«И поныне наши революционеры с каким-то особым почтением относятся к этому старому “льву” подполья <...> Чувствуется здесь как бы какая-то клятвенная связь между ними, как будто там, в подполье, все еще ждут чего-то от этого испытанного “соглашателя”»⁴.

Вызвав массу статей при жизни, Лев Тихомиров оказался после смерти, последовавшей в 1923 году, не самым востребованным персонажем. Поначалу, в первые годы советской власти, жизнь и деяния террористов-народовольцев пропагандировались в литературе (научной и мемуарной), но в начале 1930-х годов ситуация резко изменилась. После убийства С.М. Кирова возобладала сталинская точка зрения, что «если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов». Это было воспринято как сигнал к запрету не только народовольческой, но и вообще народнической проблематики. Впоследствии советские историки (М.Г. Седов, Н.А. Троицкий, Ю.Б. Соловьев и др.) упоминали о Тихомирове в книгах, посвященных народовольческому движению и кризису самодержавия, но первым исследователем, специально обратившимся к анализу жизни и взглядов Тихомирова, был В.Н. Костылев, выбравший эту тему еще в середине 70-х годов. В 1980 г. увидела свет его статья, являвшаяся фрагментом кандидатской диссертации⁵, которая была защищена в 1987 г.⁶ К сожалению, Костылев рано ушел из жизни. Посмертно в журнале «Вопросы истории» вышел его очерк о Тихомирове, подготовленный В.И. Харламовым по рукописям покойного⁷. Нарботки Костылева, высказанные им предположения и сегодня заслуживают внимания. В этой связи не корректным выглядит замечание М.Б. Смолина по адресу Костылева, который, по его мнению, не мог «спокойно и объективно, без партийных штампов, изучить, изложить и оценить идеи Л.А. Тихомирова, что отрицательно сказалось на содержании его диссертации»⁸. Упрекая Костылева в пристрастности, сам Смолин бросается в другую крайность, называя статью о Тихомирове «От Бога все его труды» и утверждая, что Тихомиров «гениален в своем упорном и последовательном протесте против сумасшествия антигосударственных сил XIX и XX века... он был политическим теологом, метафизиком монархической государственности»⁹. На идеализацию образа Тихомирова-монархиста обратил внимание нижегородский историк С.В. Чесноков: «В 1990-е... появилось новое

искушение — «канонизировать» Тихомирова. Наиболее ярко подобные попытки видны в традиции издания трудов Л.А. Тихомирова М.Б. Смолиным¹⁰. Переизданы сочинения Тихомирова, например, «Монархическая государственность» с 1992 года была переиздана не менее 5 раз¹¹.

Разнообразие мнений делает дискуссию о жизни и взглядах Тихомирова злободневной. Пытаясь очистить портрет нашего героя от временных «наслоений» мы обращаемся к его дневниковым записям, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации¹². Внимательное и критическое изучение этих записей, а также переписки и воспоминаний Тихомирова, а также людей, общавшихся с ним, позволяет наиболее полно реконструировать его внутренний мир и биографию.

Лев Тихомиров происходил из семьи военного врача Александра Александровича Тихомирова и Христины Николаевны (урожденной Каратаевой) и был третьим сыном в семье. Родословная отца уходила своими корнями в Тульскую губернию. Практически все предки Александра Александровича принадлежали к лицам духовного звания. Получив воспитание в духовной семинарии, Александр Александрович прервал сложившуюся традицию и поступил в Московскую медико-хирургическую академию которую закончил с золотой медалью, затем служил в военных госпиталях, и после перевода в Геленджик женился на вдове своего товарища С.И. Соколова.

Лев Александрович родился 19 (31) января 1852 г. в Геленджике и унаследовал имя второго сына Тихомировых, родившегося до него и скончавшегося в младенчестве. Не обошлось и без мистики. По семейным преданиям что перед его рождением мать увидела во сне святителя Митрофана, благословлявшего ее и хотела назвать сына в его честь. Однако, первый сын — Владимир (1848 г.р.) обрадовался появившемуся на свет брату и настоял на имени Лев. В дальнейшем Лев Александрович носил на своей груди образок Святого Митрофана и был убежден, что этот знак играет особую роль в его жизни. В октябре 1853 родилась сестра Мария, последний ребенок в семье. Семья была дружной и доброй. «И отец, и мать, — подчеркивал Тихомиров, — относились к книгам с преувеличенным доверием и полагали, что никакая книга не повредит, что хорошее останется, а дурное само отскочит»¹³. Лев Александрович отмечал: «Вообще,

отец был большим идеалистом в отношении своих обязанностей и смотрел так, что он должен оказывать помощь каждому больному. В результате его все любили и уважали, а денег не давали»¹⁴.

В 1864 г. Лев поступил в Александровскую гимназию в Керчи, оторвавшись от семьи. Поначалу он робел: «Обстановка чужая меня пугала и подавляла. Когда мама первый раз привела меня в гимназию, шумная толпа учеников... меня ошеломила»¹⁵. Но потом освоился и даже увлекся революционными идеями: «Что мир развивается революциями — это было в эпоху моего воспитания *аксиомой* (здесь и далее курсив Л.А. Тихомирова — *А.Р.*), это был *закон*. Нравится он кому-нибудь или нет, *она* придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро... революция считалась неизбежной даже теми, кто вовсе ее не хотел»¹⁶. Гимназист Тихомиров с увлечением читает «Русское слово», а его любимым писателем становится Д.И. Писарев.

Окончив гимназию с золотой медалью, Тихомиров едет в Москву и в августе 1870 г. поступает на юридический факультет Московского университета, откуда перевелся на медицинский. Такой перевод он объяснял просто: «ходили слухи, что поступающих на медицинский факультет экзаменуют строго по-латыни. Поэтому я подал прошение о поступлении на юридический факультет, с тем, чтобы немедленно по поступлении перейти на медицинский»¹⁷. В годы учебы он стал одним из активных участников народнического движения и осенью 1871 вошел в кружок «чайковцев».

В 1873 Тихомиров в связи с необходимостью активизации революционной деятельности побывал в Петербурге и уже в начале сентября переехал в столицу Империи, где был радостно встречен «чайковцами». В ноябре того же года он был арестован. При обыске, первоначально не предвещавшем ничего опасного, нашли «по разным закоулкам» некоторые компрометирующие материалы¹⁸. Более 4-х лет Тихомиров провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения (ДПЗ). Одинокое заключение доводило Тихомирова почти до сумасшествия. Он вспоминал, что «вздумал смастерить себе карты — не для игры, конечно, а чтобы раскладывать пасьянс... Долго собирал я гильзы от папирос. Потом наготовил нечто вроде туши, из хлеба, смешанного с копотью от керосинки. Наконец, я разрисовал

свои двойки и тузы»¹⁹. Но, когда Тихомиров был на прогулке, его колоду нашли и изъяли. Он «начал собирать разноцветные клочки, красные, зеленые, желтые, которыми заклеены резинки в книжках папиросной бумаги, и раскладывать их так, чтобы они все освещались лучом солнца. Я наслаждался видом этих ярких разноцветных точек. Но присяжному мое занятие показалось странным... и он унес мои бумажки с видимым убеждением, что я затевал нечто весьма подозрительное. Но у меня оставалось мыло. Я делал мыльные пузыри и подставлял под свой луч солнца, любуясь их перламутровыми переливами»²⁰.

В октябре 1877 г. Тихомиров проходил по «процессу 193-х» народников-пропагандистов. В знак протеста против фактически закрытого характера суда о своем отказе участвовать в этом фарсе заявили 120 человек, получивших название «протестанты». Среди них оказался и Лев Александрович. В итоге, 90 обвиняемых были оправданы, «28 человек были приговорены к каторге на срок от 3,5 до 10 лет и 39 — к ссылке... 24 «протестанта», рискуя еще больше ухудшить свою участь 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и в ссылку обратились к «товарищам по убеждениям», остававшимся на воле, с революционным завещанием...»²¹. Годы тюрьмы компенсировали Тихомирову срок наказания, и он был освобожден в начале 1878 г. Однако, такое наказание казалось ему чрезмерным — он, «мальчик, полный жизни», пострадал «за вздор, за дурацкую брошюру».

Вышедший на свободу Тихомиров был отдан под административный надзор полиции с определением обязательного места проживания: «При моей молодости и жажде широк[ого] наблюдения — вспоминал он впоследствии — эта мера поразила меня, как громовый удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов, даже не зная, кого из революционных друзей сумею разыскать. С этого момента начинается моя нелегальная жизнь»²². После разгрома партии, в 1882 г. Тихомиров уехал за границу, направив перед этим Александру III открытое письмо Исполнительного комитета «Народной воли». За границу выехала и Екатерина Дмитриевна. Обосновавшись в Париже, Тихомиров продолжал заниматься революционной деятельностью и вместе с П.Л. Лавровым редактировал «Вестник Народной воли» (1883–1886 гг.). В эмиграции во взглядах Тихомирова

начинает происходить серьезный перелом, уже подготовленный предшествующими размышлениями и сомнениями. Тяжкие думы усугублялись постоянным безденежьем, порождающим ссоры между супругами. Немало нервов испортил Тихомирову заведующий русской полицейской агентурой в Париже П.И. Рачковский. Наступивший 1886 год не принес облегчения. 8 марта, после очередных провалов в России, он запишет в своем дневнике: «Я окончательно убедился, что революционная Россия в смысле серьезной сознательной силы *не существует*... Народ страшно измельчал, они способны только рабски повторять примеры былых героев, но совершенно не способны понять измельчившихся (так в тексте — А.Р.) условий и выдумать что-нибудь свое»²³.

Ко всем несчастьям прибавилась болезнь сына и 29 апреля Тихомиров записывает: Вот уже две недели, как возимся с Сашей. Болен, по-видимому, менингит. Мушки, компрессы, бессонные ночи, крики, раздирающие душу. Я дошел до последней степени измученности. Я было совсем отчаялся и был уже уверен, что мой бедняжка помрет... Мочи нет. Всю душу вымотало»²⁴. Так происходило его внутреннее перерождение. Предпосылки к этому уже имелись: Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда, — вспоминал Тихомиров. — Один раз во всю жизнь я написал: «Мы не верим больше в руку Божью», и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне, как ложь и как нечто нехорошее»²⁵. Он анализировал пройденный путь, и предварительные итоги были весьма печальными: «Передо мною все чаще является предчувствие или, правильнее, *ощущение* конца. Вот, вот конец жизни... Я уже почти не имею времени что-нибудь создать: мне уже — страшно сказать — тридцать шесть лет, и я, видимо, дряхлею. Ужасно! Еще немного, — и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгинуть в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко *русским*, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унижительны, а сила так величественна. Это ужасно, это возмутительно!»²⁶.

В 1888 г. в Париже небольшим тиражом вышла брошюра Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», которая окончательно подвела черту под его революционным прошлым. 12 сентября 1888 г. Тихомиров подал Александру III прошение с просьбой о помиловании. Он писал о нелегком пути от революционного радикализма

к монархизму, о том, что своими глазами увидел «как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза»²⁷. Он писал о своем раскаянии, просил государя «отпустить мои бесчисленные вины и позволить мне возвратиться в отечество»²⁸. Экземпляр брошюры был направлен товарищу министра внутренних дел В.К. Плеве, вместе с прошением о возвращении в Россию. Бывшие соратники дали различные оценки произошедшего переворота. Н.А. Морозов писал, что у Тихомирова «никогда не было прочных убеждений в необходимости изменения самодержавного образа правления»²⁹. А.П. Прибылева-Корба считала «...что позорное и смешное поведение Тихомирова в период от 1884 года и позднее есть последствие его психического заболевания. И у него и было достаточно причин, чтобы сойти с ума! Нам, видевшим его в качестве основателя страшной ее врагам революционной партии “Народной Воли”, и позднее в качестве популярного и любимого вожака во главе этой партии, вполне ясно, что только физическое изменение его мозга могло превратить выдающегося и талантливого человека в жалкое существо, вселявшее во всех видевших его отвращение и брезгливое чувство презрения... Надо признать, что у Тихомирова не было недостатка в причинах потерять душевное равновесие, и сойти с ума. Со временем психическое расстройство переходит в слабоумие. Тихомиров делается ханжой, монархистом, поклонником Александра III и Победоносцева»³⁰. Аналогичной точки зрения придерживалась и В.Н. Фигнер, считавшая, что Тихомиров «заболел психически». Говорили о «дурном» влиянии «мещанки-жены», о денежных затруднениях и провокации охранки. Сам Тихомиров в брошюре «Почему я перестал быть революционером» писал о безнравственности революционного пути, противопоставляя ему путь эволюционный. Брошюра вызвала полемику не только в среде эмигрантов, но и в самой России. В декабре Тихомиров получил положительный ответ в российском посольстве, он амнистирован, и может вернуться на родину, но должен в течение пяти лет состоять под гласным надзором.

От старой жизни он отошел, но какова будет новая, еще не знал. В этот период у него появляется надежный и влиятельный советчик в лице Ольги Алексеевны Новиковой

Родившаяся в семье известных славянофилов Киреевых, она была незаурядной женщиной, сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении», жила в Англии и, выражаясь современным языком, способствовала формированию позитивного образа России в английской печати. Помимо дружеского интереса, Тихомиров стремился, пользуясь ее связями в высших кругах, убедить власти в искренности своего раскаяния и заинтересовать их возможностью сотрудничества. Немаловажно и то, что она помогала Тихомирову деньгами. Можно только гадать, было ли общение Новиковой с Тихомировым только дружеским, или же умная Ольга Алексеевна еще и выполняла чье-то задание по «прошупыванию» настроения раскаявшегося революционера. Так, или иначе, но Тихомиров был с ней откровенен. Его письма к Новиковой за 1888–1889 гг. показывают нам человека, который стремился, во что бы то ни стало отвергнуть любые подозрения в неискренности его выбора «Это преувеличенное недоверие меня огорчает вдвойне... Ведь в сущности это недоверие ко мне включает огромную долю недоверия к себе. И вот это меня просто оскорбляет. Как! Неужели люди русской Истории, русского Царя, — не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренне, по совести, и без расчетов можно делаться только революционером?»³¹. 24 октября 1888 г. он жаловался Новиковой: «Вокруг меня так много злости, так много даже простой мерзости относительно меня, но сочувствием меня не балуют. Очень желал бы познакомиться с Вами»³². И далее продолжал: «Видеть Вас очень бы желал. В конце-концов людям русским, людям *устроения* следовало бы также сплачиваться, как сплачиваются люди *расстройства*. Говорю конечно о сплочении в нравственном смысле». Здесь же он говорит о своих бывших соратниках: «Я ведь и сам не буду молчать, и сделаю все в пределах, так сказать, материальной возможности, для противодействия нашим революционным идеям. “Прежние друзья” знают это очень хорошо. Потому-то они и не спорят со мной, а избрали тактику — образовать вокруг меня пустое пространство, в котором пропадает именно материальная возможность действия. Никто, не сочувствует, Ольга Алексеевна, повторю, что меня и без этого съедят настолько, насколько хватит зубов. Но знаете ли Вы то, что пишут обо мне эти господа? Это не безынтересно. Я уже вызвал целую литературу,

и — знаете ли — честное слово — никогда в жизни я не воображал, что бы мои прежние товарищи были так глубоко нечестны. Уверяю Вас — я никогда не был таким, когда был с ними»³³. Странно, но «посеяв ветер», Лев Александрович, вероятно, искренне не ждал, что ему придется «пожать бурю» в виде негодующих откликов на его действия. В письме от 26 октября 1888 года, отвечал на фразу Новиковой по поводу того, что она «аксаковка». Он писал: «У меня давно явилось убеждение в безусловной справедливости некоторых основ славянофильства. Точно также, напр[имер], Катков меня поражал своими глубокими суждениями, еще когда я был революционером... я без сомнения близок к славянофильству, но все-таки не могу себя зачислить совершенно ни в какое отделение, есть вещи, на которые Аксаков не обращал внимания (тем более Хомяков), и которые очень важны...»³⁴.

20 января 1889 г. Тихомиров прибыл в Санкт-Петербург и отправился в Петропавловский собор, чтобы поклониться праху Александра II, убитому его товарищами-народовольцами. Пробыв около месяца в Петербурге, Тихомиров был вынужден обосноваться под надзором в Новороссийске, хотя П.Н. Дурново и обнадежил его обещанием освободить в перспективе от гласного надзора полиции. В свой последний день пребывания в столице, отбывая из Петербурга, Тихомиров в письме к Новиковой от 9 февраля 1889 года просто рассыпается в благодарностях МВД: «Надеюсь, что поведение мое, во время этого надзора, докажет Министерству, что я — не только вообще человек благонамеренный, но и в частностях своего отношения к современным задачам и деятельности Правительства составляю элемент безвредный или до известной степени — конечно в пределах своих сил — полезный»³⁵. 25 февраля 1889 г., прибыв на место своей ссылки, Тихомиров пишет письмо Новиковой, в котором досадует, что местный жандармский полковник отсоветовал ему читать революционные издания, сказав, что для написания статей можно работать с отрывками из этих книг у самого полковника. При этом эти отрывки уже будут специально готовиться для Тихомирова. 6 марта 1889 г. он пишет о том, что получил книги, которые проверили жандармы на предмет их благонадежности: «Наши жандармск<ие> офицеры, между прочим, народ весьма любезный, насколько об этом можно судить по получасовому разговору»³⁶.

В 1890 г. по высочайшему повелению с Тихомирова был снят полицейский надзор и дано разрешение на «повсеместное в империи жительство». Его заботой становятся поиски стабильного заработка: «Мне нужно *служить*... Да не будь я — я, не компрометирую меня служба в полиции — я бы м<ожет> <быть> предпочел полицию многим пунктам наблюдения. Но мне это не годится» — писал он Новиковой в феврале 1890 г.³⁷. Претерпев материальные лишения он, наконец, смог осенью 1890 г. обосноваться в Москве. Лев Александрович становится штатным сотрудником «Московских ведомостей». Со временем он становится одним из ведущих публицистов монархического лагеря, а с 1909 по 1913 гг. возглавляет «Московские ведомости», активно публикуется в журнале «Русское обозрение» и других консервативных органах печати.

Наиболее фундаментальной работой написанной Тихомировым-монархистом стало исследование «Монархическая государственность», которое выходило летом-осенью 1905 г. Несколько экземпляров книги были «именными» и один был передан Николаю II. В феврале 1906 г. в знак признания важности этого труда Тихомиров по Высочайшему повелению был удостоен серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба выполненной фирмой Фаберже. Получив подарок, Лев Александрович отметил с присущей ему рачительностью в дневнике: «Получена мною чернильница. Ничего себе. Пожалуй, рублей 50 может стоить»³⁸. На широкий успех книги Тихомиров особенно не надеялся. «Обидно, что моя «Монархическая государственность» не читается. Время придет, конечно, но тогда пожалуй нужно будет строить монархию заново, а это трудное» — писал он 18 августа 1906 г. А.С. Суворину³⁹.

Надежды Тихомирова на перемены были связаны с фигурой и деятельностью П.А. Столыпина. 24 сентября 1906 он писал А.С. Суворину: «Надо бы мне когда-нибудь повидать П. Столыпина. Все, что слышу, рисует у него редкое качество — *волю*, но каковы его *цели*, думаю, никто не знает, а может быть, он и сам не определил вполне»⁴⁰. Граф Д.А. Олсуфьев, лично знавший Тихомирова, представил Столыпину гранки его доклада «О недостатках нашей конституции», зачитанного 4 июня 1907 (случайное совпадение с третьиюньским переворотом) в монархическом клубе умеренных и правых и опубликованного отдельной брошюрой.

Ознакомившись с тихомировским текстом, Столыпин выслал Льву Александровичу письмо, предложив «потолковать... если... случится быть в С.-Петербурге»⁴¹. Тихомиров выслал в ответ срочную телеграмму и 21 августа 1907 уже был принят Столыпиным, который оказался «очень любезен и дружелюбен... Говорили обо всем на свете»⁴². Тихомиров оставил Столыпину записку «О способах улучшения наших законов» и позже выслал ему из Москвы свою книгу «Монархическая государственность» с сопроводительным письмом. 29 августа 1907 Столыпин в письме пригласил Тихомирова на службу в Петербург, но тот выразил свои сомнения и в ответном письме от 4 сентября Столыпин уверял: «Я не скрываю, что прочность того положения, которое я для вас создаю, находится в зависимости от моей прочности: если я буду убит или заменен другим лицом, то вы окажетесь в зависимости от нового лица, стоящего у руля... Штатное место члена Совета Главного управления по делам печати... сразу наделало бы страшного шума, да и содержание членов Совета 4 тысячи рублей... я придумал предложить вам сначала причисление, с тем, чтобы через несколько времени назначить вас членом Совета, оставив вам получение 6 тысяч... я предполагал воспользоваться вами для разработки отдельных вопросов, так что служба вас не заест и у вас останется время для литературного труда»⁴³. Тихомиров немедленно ответил согласием. В октябре 1907 он переехал с семьей в Петербург и 24 октября был принят Столыпиным, показавшим Тихомирову бумаги «по профессиональной организации рабочих»⁴⁴. 10 февраля 1908 Столыпин принял Тихомирова, сказав о намерении назначить его членом главного управления по делам печати: «Я буду, по крайней мере, спокоен, что не испортил вашей жизни»⁴⁵. Продвигая своего протеже, Столыпин посылает верноподданейший доклад о даровании Тихомирову чина статского советника. В январе 1909 г. Тихомиров приходит к служившему в Департаменте общих дел МВД С.Н. Палеологу с просьбой помочь получить чин действительного статского и приносит записку от Столыпина со словами: «Я хотел бы исполнить просьбу Л.А. Тихомирова; подумайте, как это сделать?»⁴⁶ Палеолог вспоминал: «Тихомиров, вихрастый интеллигент учительско-статистического типа, небольшого роста, с рыжеватой с проседью общипанной бородашкой, менее всего подходил к тому, чтобы облечься в белые панталоны с золотыми галунами и форменное пальто

на красной подкладке. Но, когда я затронул эту тему, он весь преобразился, лицо его расплылось в детскую улыбку, и он долго сердечно жал мне руку. Видимо я попал в самое сокровенное место его тайных вожделений»⁴⁷. Тихомиров никогда не состоял на государственной службе и, опасаясь осложнений, Столыпин поручил ему побывать у главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярией А.С. Танеева, чтобы заручиться согласием на представление императору предложенного доклада. Танеев отнесся к этому «довольно кисло», заявив: «Не люблю я ренегатов, но, если ваш министр считает его достойным, то я не встречаю препятствий к представлению доклада Государю. Передайте все же Петру Аркадьевичу, что, в случае воследования Высочайшего согласия, необходимо представлять Тихомирова в каждый чин отдельно. В действительные статские я его так легко не пропущу»⁴⁸. Далее Палеолог вспоминал, что хотя «всеподданейший доклад удостоился Высочайшего соизволения, но бедному Тихомирову... пришлось ждать много месяцев, пока мы последовательно представляли, а Танеев производил его в восемь чинов, начиная от коллежского регистратора... На Пасху 1912 года состоялось, наконец, его производство, но пока только в статские советники. Взмолвленный и все же радостный, он зашел ко мне в парадном мундире с треуголкой и торжественно положил на стол 4 тома «Монархической государственности» в роскошных переплетах»⁴⁹. Попасть в действительные статские советники Тихомирову так и не удалось.

Благодаря Столыпину, Тихомиров смог обрести то, к чему стремился — материальное благополучие, чин, хорошее место и даже относительную публицистическую независимость. Но уже осенью 1911 года, после убийства Столыпина, началась настоящая травля Тихомирова. На него набросились правые издания «Гражданин». «Русское знамя» и др. «Истинно-русские» не могли простить ему тех лит, когда он был в фаворе и теперь, когда Столыпин был в могиле, с наслаждением пинали Льва Александровича. У «Московских ведомостей» возникли и серьезные финансовые проблемы. Тихомиров, оставляя пост редактора и, отойдя от публицистической деятельности, переезжает в Сергиев Посад, где живет с семьей в купленном им доме. В 1913 г. он начинает вести работу над вторым по значению, после «Монархической государственности», трудом своей жизни, получившим в итоге название «Религиозно-философские основы истории».

Первая мировая война и революция окончательно разорили бывшего редактора «Московских ведомостей», поставив семью на грань выживания. Падение самодержавия Тихомиров, пребывавший в Москве, на съемной квартире, воспринял спокойно, поспешив телеграфировать в Посад жене и дочери. Выяснилось, что обе «в полном восторге», а супруга «кричит по телефону» — «Поздравляю с переворотом». Сам Тихомиров комментирует это в Дневнике: «Действительно, — ужасная была власть. Если только Временное Правительство окажется прочным (что, по-видимому, несомненно), — то падение Николая II будет встречено радостью по всей России. Я думаю, что основная причина гибели Царя — его ужасная жена. Но, конечно, не погибать стране из-за нее... А он был под башмаком. И то удивительно, что так долго терпели, Я приходил к полному разочарованию в России, С этой стороны, конечно, снимается со всех гнетущее чувство, и дух народа может подняться»⁵⁰. Надежды на лучшее, которые Тихомиров связывал с фигурой А.Ф. Керенского, сменились разочарованием. 16 октября 1917 г. он делает последнюю запись, связанную с недолгим пребыванием дома сына Николая, прибывшего на побывку из Петрограда. На этом Дневник Тихомирова обрывается. Записи Тихомирова, относящиеся к периоду Октябрьской революции, в ГА РФ отсутствуют и трудно судить, как он оценил свершившиеся события. Анализ работ Тихомирова, посвященных эсхатологии, показывает, что в грядущем он видел только новые испытания: «мир подходит к последнему своему периоду среди страшного революционного переворота, который, очевидно, изменяет самые основы государственной власти»⁵¹.

В 1922 году Тихомиров, отметивший в январе 70 лет, зарегистрировался в Комиссии по улучшению быта ученых. Интересен заполненный им в мае 1922 года опросный лист, хранящийся в ГА РФ⁵². Работы откровенно монархического содержания в список научных трудов предусмотрительно не попали. Под заполненной анкетой стоит дата — 1 мая 1922 г., а рядом зачеркнута другая дата — 28 апреля. В ответном письме, от 4 июля 1922 г. секретаря московского отделения комиссии Тихомирову сообщалось, что он зарегистрирован по 3-й категории — история литературы, языковедение, библиотекословие (всего было 5 категорий, из которых высшей считалась пятая). Ему выделялась определенная денежная сумма (3 миллиона 250 тысяч рублей),

и паек. По словам общавшегося с Тихомировым С.А. Волкова, тот «заканчивал свое жизненное странствование», в бедности, работая «делопроизводителем школы имени М. Горького (бывшей Сергиево-Посадской мужской гимназии)». Ученики «к его огромному неудовольствию» прозвали бывшего монархиста (вероятно, за его бороду) «Карл Маркс»⁵³. Скончался Лев Александрович в Сергиевом Посаде 16 октября 1923 г. Могила не сохранилась, а судьба оставшихся у родственников рукописей неизвестна.

В настоящее время докторами исторических наук О.А. Милевским и А.В. Репниковым полностью подготовлена к печати монография, в которой впервые сделана попытка совокупного анализа всего жизненного пути и взглядов Тихомирова, освещены различные этапы его судьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фигнер В.Н.* По поводу записок Л. Тихомирова. // Воспоминания Льва Тихомирова. М., -Л., 1927. С. XXIV

² *Сергеев С.М.* «Мои идеалы в вечном...» (Творческий традиционализм Льва Тихомирова) // *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 9.

³ РГАЛИ. Ф.1185. Оп.1. Д. 675. л. 104 об.

⁴ Цит. по: *Сергеев С.М.* «Мои идеалы в вечном...». С. 16.

⁵ *Костылев В. Н.* Ренегатство Л. А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. М., 1980. Вып. XI. С. 151–169.

⁶ *Костылев В. Н.* Лев Тихомиров на службе царизма (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX — начале XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

⁷ *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 30–46.

⁸ *Смолин М.Б.* Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 19.

⁹ *Смолин М.Б.* От Бога все его труды // *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. М., 2000. С. 8.

¹⁰ *Чесноков С.В.* Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX–XX веков. Автореф. дис. ... к.и.н. Нижний Новгород. 2005. С.17.

¹¹ *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М., 1997; *Его же.* Критика демократии. М., 1997; *Его же.* Апология веры и монархии. М., 1999; *Его же.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003; *Его же.* Монархическая государственность. М., 2010 и др.

- ¹² ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 24–27. Фрагменты из дневника за 1883–1895 гг. публиковались в 1927 г. («Воспоминания Льва Тихомирова»). В начале 1930-х гг. опубликована часть записей, относящаяся к периоду первой русской революции. См.: 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. М., -Л., 1930. Т. 1, С. 20–69; Т. 2, С. 47–75; Т. 3, С. 59–96; Т. 4/5, С. 103–147; Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив, М., 1933, Т. 6, С. 82–128; М., 1935. Т. 5, С. 120–159; Т. 6, С. 170–190; М., 1936. Т. 1, С. 162–191; Т. 2, С. 171–184. 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. М., -Л., 1930. Т. 1, С. 20–69; Т. 2, С. 47–75; Т. 3, С. 59–96; Т. 4/5, С. 103–147; Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив, М., 1933, Т. 6, С. 82–128; М., 1935. Т. 5, С. 120–159; Т. 6, С. 170–190; М., 1936. Т. 1, С. 162–191; Т. 2, С. 171–184. Публикации осуществлялись с неотмеченными купюрами. Фрагменты дневника за 1901, 1905 и 1912–1917 гг. опубликованы в 2002 г. С. Фоминым. Две публикации, включавшие фрагменты за 1899–1904 гг., подготовлены Г. Николаевым. См.: *Фомин С.* Из дневника Л.А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912–1917 гг.) // ...И даны будут Жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 556–626 (при публикации допущен ряд ошибок); *Николаев Г.* Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 358–396. В 2008 г. А.В. Репниковым отдельной книгой опубликован текст дневника за 1915–1917 гг., снабженный вступительной статьей, комментариями и примечаниями См.: *Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг.* М., 2008.
- ¹³ *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 78.
- ¹⁴ Там же. С. 25.
- ¹⁵ Там же. С. 152.
- ¹⁶ *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. С. 93.
- ¹⁷ *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 222.
- ¹⁸ См.: *Тихомиров Л.А.* Развязка. Очерки и отрывки // Имперский вестник. 2010. № 5. С. 8–15.
- ¹⁹ *Тихомиров Л.А.* Тюрьма. Очерки и отрывки // Имперский вестник. 2010. № 5. С. 26.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978. С. 123.
- ²² Воспоминания Льва Тихомирова. С. 241.
- ²³ Там же. С. 188–189.
- ²⁴ Там же. С. 191–192.
- ²⁵ Там же. С. 287.
- ²⁶ Там же. С. 274.
- ²⁷ Там же. С. 250.
- ²⁸ Там же. С. 251.
- ²⁹ *Морозов Н.А.* Повести моей жизни М., 1961. Т.2. С. 684.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф.1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 98, 104.

- ³¹ *Репников А.В.* Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: Сборник статей по Новой и Новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 108.
- ³² РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 1.
- ³³ Там же. Л. 2–2 об.
- ³⁴ Там же. Л. 5–5 об.
- ³⁵ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 16 об.
- ³⁶ Там же. Л. 25.
- ³⁷ РГАЛИ. Ф.345. Оп.1. Д. 748. Л. 9–9 об.
- ³⁸ 25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 4/5. С. 134.
- ³⁹ *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1928. № 12. С. 67.
- ⁴⁰ Там же. С. 69–70.
- ⁴¹ Из дневника Л. Тихомирова. 1907 г. // Красный архив. 1933. Т. 6. С. 113
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 26.
- ⁴⁴ Из дневника Л. Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1935. Т. 5. С. 124.
- ⁴⁵ Там же. С. 138.
- ⁴⁶ *Палеолог С.Н.* Около Власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 69.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 74.
- ⁴⁹ Там же. С. 74–75.
- ⁵⁰ Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 / Сост., автор вступит. ст., прим. и комм. А.В. Репников. М., 2008. С. 349.
- ⁵¹ *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. С. 580.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 634. Оп.1. Д. 3. Л. 3–3 об; 4–4 об.
- ⁵³ *Волков С.А.* Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 282.

РОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ В РОССИИ

(сборник научных трудов)

Подписано в печать 30.05.2011. Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 250 экз. Заказ № .
Гарнитура «Century Schoolbook».

Научный редактор и консультант — доктор филологических наук,
профессор В. П. Океанский
ocean_65@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Ивановская областная типография».
153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.
e-mail: 091-018@rambler.ru

ISBN 978-5-86229-227-5

9 785862 292275